

Памяти Глеба Успенского

"Курьер", 1902, No 97.

Эпоха шестидесятых годов приближалась к концу*.

* "Шестидесятыми годами", как известно, принято считать период с 1855 до 1865 года.

Наряду с интеллигентами-разночинцами, занимавшими историческую авансцену в эту эпоху, бодро смотревшими в даль будущего, учинявшими о победоносном ходе прогрессивного развития, свято веровавшими в свои собственные силы, создавшими теорию критически мыслящей личности, властной распоряжаться судьбами истории, начало громко заявлять о своем существовании новое поколение интеллигенции.

Новые интеллигенты вышли из несколько иных общественных слоев, чем разночинцы-"шестидесятники": они более принадлежали "народу"; они были воспитаны в среде, которая более чувствовала на себе тяготу общественных отношений дореформенной России. Они внесли в "разночинскую культуру" целый ряд поправок. Бодрому мирозерцанию они противопоставили пессимистические взгляды. Теория планомерного исторического развития была ими поколеблена. Они склонны были веровать в стихийность хода истории. Они не могли исповедовать догмат критически мыслящей личности, потому что отказались признавать за интеллигенцией силы, необходимые для "руководительства" историей, потому что не знали цельной гармонически развитой личности, потому что их "я" было убито в них жизнью.

Типичнейшим и талантливейшим выразителем взглядов новой интеллигенции явился Глеб Успенский.

Он выступил на литературное поприще, - как он выражается, - не имея "прошлого", душевно измученный и усталый.

"Вся моя личная жизнь, - сообщает он в своей автобиографии, - вся обстановка моей личной жизни до двадцати лет отделяла меня от жизни белого света на неизмеряемое расстояние. Я помню, что я плакал беспрестанно, но не знал, отчего это происходит. Не помню, чтобы до двадцати лет сердце у меня было когда-нибудь на месте. Вот почему, когда настал шестьдесят первый год, взять с собой "в дальнюю дорогу" что-нибудь из моего прошлого было решительно невозможно - ровно ничего, ни капельки; напротив, чтобы жить хоть как-нибудь, надо было непременно, до последней капли забыть все это прошлое, истребить в себе все внедренные им качества. Нужно было еще перетерпеть все то разорение невольной неправды, среди которой пришлось жить мне в годы детские и юношеские"...

Среда, окружавшая его детские и юношеские годы, - это "Растеряева улица", это мир людей беспомощных, безвольных, неспособных не только пролагать себе дорогу к новой жизни, идти навстречу "новым требованиям времени", но даже и "смотреть вперед".

Жизнь в подобной среде и наблюдения над этой средой, естественно, не могли не "сообщить, глубоко безотрадного колорита его мирозерцанию". "Истребляя в себе прошлое, стараясь избавиться от впечатлений детских и юношеских лет, он, тем не менее, не мог совершенно выйти из-под власти этих впечатлений". "Растеряева улица" - первый источник его пессимизма, Он постоянно возвращался к этим впечатлениям, он постоянно воспроизводил их в своих очерках. "С точки зрения пессимизма, навеянного "Растеряевой улицей", он подходил к различным явлениям "новой" жизни. Образы "растеряевой" жизни, "растеряев-ских" обывателей, как он указывает в своих произведениях, постоянно мелькали перед ним, хотя он и говорил, что "от прошлого нельзя и не надо и невозможно оставить в себе самое малейшее воспоминание".

Что же дарили ему впечатления "Растеряевой улицы"?

"Растеряева улица" - это царство совершенно застывших общественных и экономических форм жизни. Это царство совершенно бесцельного существования.

Обитатели "Растеряевой улицы" - мещане, чиновники, мастеровые старого покроя, Lumpen-пролетарии - из поколения в поколение жили, не ведая, зачем и для чего жили, подчиняясь какой-то